

Город-университет и государство-университет: методологический инструментарий Уильяма Кларка

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-5-84-101

Пичугина Виктория Константиновна – д-р пед. наук, проф., департамент образовательных программ, ведущий науч. сотрудник, Pichugina_V@mail.ru

Институт образования ВШЭ, Москва, Россия

Адрес: 101000, Москва, Потаповский переулок, 16, стр. 10

Институт стратегии развития образования РАО, Москва, Россия

Адрес: Россия, 101000, Москва, ул. Макаренко 16

Лурье Зинаида Андреевна – канд. ист. наук, ассистент, z.lurie@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Аннотация. Методологический инструментарий Уильяма Кларка, приложимый к изучению истории и философии высшего образования, представлен в серии статей 1996–2003 гг. и особенно в его книге «Академическая харизма и истоки исследовательского университета» (2006). Это результат многолетней работы автора по множеству направлений исследований, большинству из которых ещё только предстоит оформиться как исследовательским направлениям. Автор поставил амбициозную задачу рассмотреть эволюцию академической практики (преимущественно немецкой) как процесс бюрократизации и меркантилизации образования через призму академической харизмы. Рассматривая харизматичность как один из типов легитимного господства в научном мире, У. Кларк описывает учёного не в трёх пространственных координатах, о которых он говорит во введении, а в четырёх: религия, политика, экономика, государство/город. Именно последняя обозначенная нами координата и позволяет Кларку отмечать на образовательном ландшафте города университеты, принимающие или отвергающие те или иные способы передачи академической харизмы. Другим ключевым вопросом, с которого У. Кларк начинает поиск истоков исследовательского университета, является вопрос о постепенном вытеснении устной культуры письменной, иными словами, как «говори и будь» (фраза, изобретённая авторами этой рецензии) превратилось в «публикуйся или исчезни» (афоризм, приводимый автором книги). Этот вопрос включает ряд других, на которые мы укажем ниже, анализируя академическое пространство, которое в представлении автора разбивается, собирается и снова разбивается на осколки табелей, каталогов, списков, уставов, таблиц, графиков, отчётов, анкет, досье и т.д. Несмотря на то, что перевод книги Уильяма Кларка на русский язык был осуществлён в 2017 г., предложенная им методология незаслуженно мало известна отечественным исследователям высшего образования и в целом не получила фун-

даментального осмысления в научной традиции. Основные её положения и будут изложены в рамках данной статьи.

Ключевые слова: Уильям Кларк, университет, харизма, академическая харизма, Оксбридж, протестанты, иезуиты, город-университет, образовательное пространство, Вебер, Фуко

Для цитирования: Пичугина В.К., Лурье З.А. Город-университет и государство-университет: методологический инструментарий Уильяма Кларка // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 5. С. 84–101. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-5-84-101

University as a City and University as a State: Methodological Tools of William Clark

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-5-84-101

Victoria K. Pichugina – Dr. Sci. (Education), Prof., Leading Researcher, Pichugina_V@mail.ru
Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Address: 16, Potapovsky per., Moscow, Russian Federation
Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Address: 16-10, Makarenko str., Moscow, 101000, Russian Federation

Zinaida A. Lurie – Cand. Sci. (History), Assistant, z.lurie@spbu.ru
Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia
Address: 7-9, Universitetskaya emb., 199034, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. William Clark's methodological tools applied to the study of the history and philosophy of higher education are presented in a series of articles 1996–2003 and especially in his book “Academic Charisma and the Origins of the Research University” (2006). The last was a result of Clark's long and accurate work in many areas of research, most of which have yet formed as academic fields. The author sets an ambitious task to examine evolution of academic practice (mainly German) as a process of bureaucratization and capitalization of education through the prism of academic charisma. Considering it as one of the types of legitimate dominance in the scientific world, W. Clark describes a scholar not in three spatial coordinates (of which he talks in the introduction), but in four: religion, politics, economics, and state/city. The last allows Clark to mark universities that accept or reject certain methods of transferring academic charisma on the educational landscape of the city. Another issue that is a key to the search of the basics of research university, is the question of the gradual suppression of oral culture by writing. In other words, how “say and be” (the phrase invented by the authors of this review) turned into “print or disappear” (aphorism cited many times by the author of the book). This question includes a number of others, which we point out analyzing the academic space, which, in the author's mind, is broken up, collected and rebroken up into fragments of tables, catalogues, lists, statutes, tables, graphs, reports, questionnaires, dossiers, etc. Despite the fact that the translation of William Clark's book into Russian was carried out in 2017, the methodology proposed is undeservedly little known to the researchers of higher education and, in general, has not received fundamental review in the scientific tradition. Its main provisions will be outlined in the framework of this article.

Keywords: William Clarke, university, charisma, academic charisma, Oxbridge, Protestants, Jesuits, university city, educational space, Weber, Foucault

Cite as: Pichugina, V.K., Lurie, Z.A. (2022). University as a City and University as a State: Methodological Tools of William Clark. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 31, no. 5, pp. 84-101, doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-5-84-101 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Всё более острая в последние годы полемика между университетом, пытающимся отстаивать свою исследовательскую независимость, и государством, стремящимся контролировать академический процесс через систему отчётов и публикаций, указывает на безусловную актуальность исследовательской проблематики, поднятой в работах Уильяма В. Кларка (1953–2017). Американский историк образования исследует вопрос о том, как и когда появился современный университет как структура, подконтрольная государству, и почему менялась степень этой подконтрольности. Для изучения заявленной проблемы перед исследователем встала необходимость поиска соответствующего методологического инструментария, который бы позволил ему рассмотреть как повседневность университетской рутины, так и индивидуальность «жителей» университета. Так образом, в его работах раскрывается то, что можно назвать разноуровневой ментальностью университета как города/государства. Представляется, что методология У. Кларка требует пристального изучения и оценки, которая позволит определить продуктивные методы и направления дальнейших исследований высшего образования как в рамках созданной им научной школы [1], так и за её пределами.

Многолетний исследовательский путь У. Кларка следует отсчитывать, как справедливо указывает Дж.К. Албисетти, с диссертации «От средневековых *Universitas Scholarium* до немецкого исследовательского университета: Социогенез немецкой академической науки» (Лос-Анджелес, 1986) [2, p. 139]. Сам исследователь, правда, избегал упоминания своей диссертации, вероятно, считая, что «перерос» обозначенную в ней постановку проблемы: содержание работы

посвящено главным образом формам институализации знания, хотя основной вывод – о непосредственной связи рождения исследовательского университета с формированием прусской государственности – Кларк сделал уже тогда [3, p. 16], равно как и ввёл важные для него типы источников. Этот вывод и другие выводы, сделанные в ряде работ¹, переосмыслили господствующую в историографии точку зрения, выраженную в первую очередь Р.С. Тёрнером, и были связаны с серьёзной источниковой работой, предпринятой У. Кларком.

Монография «Академическая харизма и истоки исследовательского университета», изданная в 2006 г. переведена на русский язык в 2017 г.) [8; 9], представляет собой масштабное произведение, в котором охвачен целый спектр проблем интеллектуальной истории, истории образования и истории культуры с позднего Средневековья по XIX в. У. Кларк принципиально выводит на первый план весьма разноуровневые источники, с которыми ему довелось работать, объединяя сюжеты, лёгшие в основу многих из его предшествующих публикаций (часть из которых в отредактированном виде послужила основой глав ра-

¹ Особенно стоит отметить две коллективные монографии под его редакцией: «Науки в просвещённой Европе» (1999) и «Малые инструменты знания: исторические эссе об академических и бюрократических практиках» (2001), в которых У. Кларк также был автором отдельных разделов, рассматривающих как изменение системы знания («смерть метафизики»), так и особенности оценки знания (регистры) и развитие понятия «объективности» в прусских университетах [4; 5]. С темой первой статьи переключается содержание двух других статей, посвящённых учебникам физики и общему развитию этой дисциплины в немецких университетах [6; 7].

боты [5; 10–15]). У. Кларк вполне реализовал в этой книге свои исследовательские амбиции и после её публикации находился в научном поиске, как можно судить по его трудам². Таким образом, вполне справедливо сосредоточиться главным образом на исследовательской монографии «Академическая харизма и истоки исследовательского университета» У. Кларка, разумеется, с учётом иных работ 1996–2007 г. В это наиболее плодотворное для исследователя десятилетие У. Кларк разрабатывает собственное оригинальное видение истории высшего образования и методологии работы, свободной, по мнению самого исследователя, «от романтизма и прочих нынешних идеологий», и переосмысляющей «великий нарратив былых времён» [9, с. 27]. В связи с этим заметим, что монография, совмещающая высокий уровень концептуализации с «голосами» и «фактурой» источникового материала, – в целом большая редкость, и среди работ, свободно доступных отечественному читателю, не имеет аналогов и, следовательно, особенно нуждается в критическом комментарии и осмыслении.

Дискурс и концепция

В основе исследований У. Кларка лежат два ключевых понятия, которые и вынесены в название его заключительной работы: харизма и исследовательский университет³.

² Мы не берёмся перечислять все эти публикации, читатель может составить представление о них на сайте Общества истории знания (<https://hssonline.org/>), а также большинство из них названо в мемориальной статье 2017 г. [1]. Особенно стоит отметить его обобщающую статью, посвящённую просопографии – науке для кембриджской истории науки [16], и научной революции в Германии, опять же для кембриджской истории научных революций [17], и две работы для франкоязычной и немецкоязычной аудитории, ценные с точки зрения методологических принципов У. Кларка [18; 19].

³ В своём диссертационном исследовании У. Кларк ещё не использует понятие «харизмы», оно сформулировано в более поздних исследованиях [20].

Обращаясь к понятию харизмы, автор заявляет себя последователем М. Вебера, хотя подчёркивает, что его интерпретация классика немецкой историографии может идти в разрез с общепринятой [9, с. 33–34]. Р. Кирван, специализирующийся на идентичности гуманитариев в раннее Новое время, отмечает, что У. Кларк выходит за границы им же обозначенных методологических рамок: если веберовская харизма обозначала сверхчеловеческие, исключительные качества личности⁴, то У. Кларк говорит скорее о культурных особенностях и академических методах, которые было бы корректнее соотносить с веберовской таксономией [22, р. 123]. В видении исследователя харизма позднесредневековой профессуры была коллегиальной групповой харизмой, аналогом церковной модели, тогда как в университетах Нового времени исследователи вынуждены были быть носителями личной харизмы (пользоваться успехом у студентов, совершать научные достижения и пр.), что и стало использоваться государством. Некоторые приводимые У. Кларком примеры позволяют понять, что речь идёт о харизме как типе легитимного господства в научном мире: так, он анализирует университетские каталоги конца XVII и начала XVIII в., которые дают списки, выстроенные в одном случае по статусу научных дисциплин (с богословием – на первом месте), а в другом – по престижности действующих преподавателей, отягощённых профессиональной репутацией, то есть личной харизмой и авторитетом [9, с. 62–63]. Таким образом, У. Кларк объединяет веберовское понимание харизмы со структуралистским представлением (в первую очередь – М. Фуко)⁵ и использует его как всеобъемлющее понятие. С одной стороны, академическая харизма – это то, что противопоставляется научной повседневности с её рутинностью, а с другой – то, что

⁴ Подробнее см.: [21, с. 402].

⁵ Как отмечает С. Маршан, У. Кларк представляет XIX в. как период торжества дисциплинарного государства под влиянием М. Фуко [23, р. 391].

реализует себя в научном мире как рутинизированная повседневность в виде одеяний, кафедр, книг, должностей, титулов в средневековом университете и в виде таблиц, каталогов, списков, уставов, таблиц, графиков, отчётов, анкет, досье, списков личных заслуг и аннотаций учебных курсов в рациональном университете Нового времени [9, с. 38].

Как отмечают А. Купер и В. Фойерхан, близкие друзья и коллеги У. Кларка, это свободное понимание термина позволяет ему прийти к выводам, противоречащим веберовской концепции рационализации, доказав сохранение харизмы в веке рациональности⁶. При этом У. Кларк знакомит читателя с источниками разных типов, перенося в область образования терминологию З. Фрейда и демонстрируя сложность соотнесения академического сознательного, академического бессознательного и академического подсознательного. Его исследование, таким образом, попадает в нишу уникальной дискурсивности, организуя свой комментарий вокруг следующих основных категорий: академический мир, хор, порядок, документооборот, режим, рынок, труд, жанр, работник, ответ, академическая культура, жизнь, система, сцена, практика, бюрократия, отчётность, периодика, софистика, реклама, академическое пространство, знание, сообщество, старшинство, академические круги, свободы, обычаи, назначения, звания, пересуды⁷. Из этого «гlossария» видно, что У. Кларка в равной мере интересуют процессы и практики, связанные как с внешними (властью, рынком, экономикой, политикой и пр.), так и с внутренними реалиями университета (порядок, труд, культура и пр.). Ещё точнее – он исследует *вопрос о том, как и когда возникала конфликтность во взаимодействии власти и университета*,

⁶ Что отличает работу Кларка, например, от работ Роберта Мертона по интеллектуальной истории Англии XVII в. [22].

⁷ Этот далеко не полный список, безусловно, является продуктом не только автора, но и переводчика и научного редактора русского перевода книги.

наиболее явственно проявлявшаяся в немецких землях. И в этом он придерживается линии М. Вебера: расколдовывание⁸, рационализация и бюрократизация университетской корпорации для него являются в первую очередь феноменом протестантизма.

Позволим себе, однако, заметить, что вопреки заявленной концепции, университет оказывается довольно грубо вырван из общей проблематики немецкого Просвещения, становления абсолютистского государства и его механизмов. Все эти темы основательно изучены не только в немецкой, но и в англо-американской историографии. У. Кларк исходит не столько из исторических, сколько из историко-культурных позиций, доказывая, что модель современного рационального университета, сформировавшаяся в классическом виде к 1830-м гг.⁹, сложилась в немецкоязычных территориях (Ганновере и Пруссии) и затем распространилась на весь остальной мир [9, с. 50, 52–53]. Следовательно, удобно описать этот процесс как лютеранский феномен. В отличие от М. Вебера, воспевавшего Реформацию, для У. Кларка торжество протестантского пути не является триумфом: напротив, именно на этой конфессии, выбравшей «срединный путь» между университетом как экклезиальной корпорацией («город-университет») и университетом как бюрократической структурой («государство-университет»), лежит ответственность за механизмы калькуляции и отчётности современного академического мира¹⁰.

Английский материал, представленный неким идеальным типом «Оксбридж», опи-

⁸ Мы используем понятие «расколдовывание», как это звучит в переводе труда Ч. Тейлора «Секулярный век» [24]. В переводе книги Кларка, однако, используется слово «расколдование».

⁹ Строго говоря, даже раньше, ко времени прибытия Гумбольдта в Kultursministerium в 1809 г.

¹⁰ Представляется, что реальность наукометрии и иной бюрократической номенклатуры, с которой исследователь столкнулся на рубеже XX–XXI столетий в США, не позволила ему освободиться от личной неприязни к немецкой модели.

сывается У. Кларком как близкий иезуитской модели и используется им как средство контраста: большую независимость перед лицом *Police State* сохранили не факультетские управленческие администрации, а колледжи и коллегии, опиравшиеся на коллегиальные структуры. Исследователь не скрывает ностальгии, которую испытывает по «золотому веку» американских колледжей, отмечая, что именно такая модель была вытеснена моделью исследовательского университета. Для него последняя является навязанной моделью – наиболее «коварной фазой европейского колониализма» [20, с. 53]. Концептуальная слабость У. Кларка кроется, с одной стороны, в драматическом (и весьма характерном для историографии вплоть до середины XX в.) противопоставлении Реформации и Контрреформации, а с другой – в описании Реформации как рационализации. С 1980-х гг. в рамках исследований конфессиональной эпохи эти курсы были значительно переосмыслены, и сегодня тезисы У. Кларка звучат несколько старомодно¹¹. У. Кларк противопоставляет скорее идеальные структуры, символически представленные моделями Оксбриджа и лютеранскими университетами Виттенберга, Галле, Гёттингена и пр. (привлекая также и материал Бранденбург-Пруссии и Баварии). Ш. Рофблат указывает, что У. Кларк фактически игнорирует историю Шотландского образования, особенно значимую для Америки (от академических реалий которой У. Кларк отталкивается в своём исследовательском поиске и истории которой касается в последнем разделе первой части), а также поверхностно судит о практиках французского образования Старого режима. Кажется, что У. Кларк при этом старается приуменьшить влияние государства на англо-иезуитскую модель университета-монастыря (хотя уже изрядно бюрократизированного)¹².

¹¹ О конфессионализации см.: [25, с. 5–32].

¹² Это же отмечает С. Бергер в своей рецензии на работу У. Кларка [26, s. 509].

Слабость аргументации У. Кларка и определённую тенденциозность отметили многие критики [2, р. 139–142; 27, р. 757; 28, р. 426–428; 29, р. 467]. Как представляется, У. Кларк описывает на протестантском материале торжество письменного слова, давшего государству возможность контроля, которой раньше не было. Кажется, здесь можно было отказаться от М. Вебера, но это было бы не характерно для американской социологической школы как таковой.

У. Кларк использует веберовскую формулу как основу, удобную для изложения материала. Это позволяет ему поколебать сложившиеся мифологемы о преемственности современной и средневековой университетской культуры [30, р. 54], а также продемонстрировать значительную внутреннюю эволюцию университета. Благодаря избранной методологии в исследовании перед нами предстаёт целый город-университет, зажатый в тиски изменяющегося времени: ещё недавно было позволительно строить авторский учебный курс, а теперь требуется отправлять в министерство сведения о студентах и их способностях. Харизма нового типа, доказывает У. Кларк, была выработана не только как следствие бюрократических притязаний государства, но и как защита от них, как собственная меритократическая и рационалистическая ценность.

История источников и интерпретаций

Ещё в своей диссертации 1986 г. У. Кларк заявил о первенстве для него источников по истории университетского образования, изучение которого позволило прийти к неожиданным для него выводам. Наиболее «любимые» из них вошли и в монографическое исследование, которое богато выдержками из источников о педагогическом прошлом, часть из которых вынесена в приложение, а часть приведена в тексте и снабжена многогранными комментариями. Орывки из университетских матрикулов, реестров, переписки, конспектов, дневников и воспоминаний, министерских отчётов,

библиотечных каталогов, различных университетских изданий, в том числе списков курсов учебных дисциплин и другой «маркетинговой» продукции¹³, позволяют сохранить живость и увлекательность академического повествования. Отдавая должное американской школе визуальной антропологии и культурологии, У. Кларк активно привлекает изобразительные источники: портреты учёных, учебных заведений и библиотек, профессорские ведомости и лекционные реестры, академические костюмы, университетские шествия, титульные страницы диссертаций и рекомендательные письма, сцены экзаменов, учёных советов, лекций и диспутов, а также трапезы. Выборка У. Кларка далека от универсальности, и его можно обвинить в некоторой вкусовщине, отсутствии должной фундированности¹⁴. Тем не менее приведённые источники позволяют воспринимать университет как многомерное пространство не только текстовой, но устной и визуальной культуры. Подробный комментарий У. Кларка к этим материалам делает монографию потенциально интересной для семинаров по интерпретации самых разных видов историко-педагогических источников.

Отвечая на главный вопрос: *как и когда оказалась востребованной новая грань учёного, его новое «я», балансирующее на грани частного и публичного*, – У. Кларк фокусируется главным образом источниках 1690-х – 1700-х гг. При интерпретации материала он рассматривает несколько важнейших сюжетов: во-первых, учебный процесс – с особым вниманием к аттестационной практике; во-вторых, вытеснение устной практики письменной в разных аспектах деятельности университетов; в-третьих, диалог университета и города/государства. Рассмотрим несколько подробнее основные дискурсы интерпретации У. Кларка.

¹³ Источники были собраны главным образом в архиве Прусского министерства образования.

¹⁴ См. критические замечания рецензентов [2, р. 142; 31, р. 604].

Лекция и диспут/экзамен как основы университетского мира существенно менялись, что находит отражение в лекционных списках, экзаменационных протоколах и прочих отчётных материалах. Изменения затрагивали не только содержательные, но и процессуальные моменты, касающиеся надиктовывания и конспектирования лекционного материала, использования учебников при чтении лекций, отслеживания посещаемости и т.д. Множество источников указывает на то, что средневековые университетские диспуты не ставили целью дать или каким-либо образом оформить новые знания; они должны были быть лакмусовой бумагой для возможных студенческих ошибок, своеобразной гарантией ортодоксальности учебного канона. Что касается экзаменов, то они, как и диспуты, неизбежно эволюционировали, всё менее походя на диалог. Если в Виттенбергском университете в 1639 г. от экзаменуемого дознавались о наличии души у звёзд, то в Гёттингенском университете в 1787 г. во время экзамена постоянно пили чай и в лучших театральных традициях доставали камень из кармана, прося дать ему характеристику. Первоначальная цель кембриджского экзамена на степень бакалавра – уточнить впечатление об экзаменуемом, полученное от его выступления на диспуте, – постепенно уступает место множеству других целей, которые возникают в XVIII в. вместе с ранжированием студентов по способностям. Диспуты, как подчёркивает У. Кларк, становятся лишь средством, с помощью которых тьюторы делят студентов на три группы («начитанные», «читающие», «не читающие»), давая возможность ежегодно оспорить это деление на экзамене. Последний постепенно перестаёт походить на «героический устный театр» [9, с. 198], поскольку словесное уступает визуальному: сказанное слово не так значимо, как место в таблице способностей. Резюмируя, У. Кларк традиционно переходит от прошлого к настоящему и делает следующий вывод: «Суть современной системы оценивания в том, что,

независимо от содержания образования, учащиеся должны быть ранжированы, а их знания – оценены. Оценивание превращает их в бюрократический продукт, прошедший проверку качества. Содержание образования – после надлежащей деполитизации – по сути, является лишь безвредной учёной болтовнёй» [9, с. 180].

Второй важнейший для У. Кларка дискурс можно назвать урбанистическим: он много рассуждает о научных публикациях и периодике раннего Нового времени. Исследователь подчёркивает, что каждый университетский город в это время имел свою газету или научный журнал, где печатались в том числе лекционные списки – один из важнейших источников У. Кларка. Интерес к проблемам печати, безусловно, связан с общими направлениями развития американской культурологии, в первую очередь – теории масс-медиа М. Маклюэна. Механизмы печати помогают У. Кларку наглядно продемонстрировать переход от «словооборота» к «документообороту», с одной стороны, и с другой – затронуть проблемы конкуренции в академической среде.

Наконец, третий дискурс, к которому У. Кларк возвращается снова и снова, это «министерские интриги». Как справедливо объясняет Э. Графтон, У. Кларк связывает контроль государства над университетом в первую очередь с экономической политикой: желание государей взять под контроль образование в своих землях с целью увеличения их привлекательности (и, соответственно, увеличения дохода) выражалось в бюрократизации образовательных практик [21, с. 403]. При анализе источников У. Кларк часто эксплуатирует образ «красной ручки Берлина»¹⁵, указывая, что министерскую линию нельзя воспринимать однозначно негативно. С одной стороны, имела место безусловная бюрократизация образования: У. Кларк показывает, как отчёты и таблицы, восходящие к визи-

тациям конца XVI в. (Вольфенбюттельская анкета 1597 г.) и вызывавшие сначала протесты университетов, стали нормой. Поскольку для их составления требовалась основательная филологическая подготовка, эти жанры проникли в образование и повлияли на всю европейскую литературу XVII–XVIII вв. Один из ярких примеров, который приводит У. Кларк, – заполненный на канцелярский манер дневник Робинзона Крузо [9, с. 478]. С другой стороны, власть преследовала благие цели, разрушая нормативную для Средневековья целостность семейных и профессиональных ролей и создавая представления о стандартах и компетенциях, необходимых выпускникам.

Порой в интерпретации источникового материала американский исследователь тяготеет к излишним обобщениям (особенно когда хочет подчеркнуть, что бюрократизация преследовала целью эффективность и справедливость образовательного процесса). Несколько иронизируя (в духе самого У. Кларка), можно увидеть, что «красная ручка Кларка» в интерпретации как микро-, так и макросюжетов не менее очевидна, чем «красная ручка Берлина», которую исследователь неоднократно упоминает в своём тексте¹⁶.

История пространств и практик

Исследования У. Кларка демонстрируют определённый материализм его методологии: образовательные практики оказываются неотрывными от проблемы организации пространства. Именно поэтому он говорит об эволюции библиотеки, сопоставляя планы организации пространства «идеальной библиотеки». В его монографии также изменения академических форм и академической моды (что и как преподавалось, читалось, конспектировалось, понималось, разрешалось и запрещалось) демонстрируются в их непосредственном выражении в тех или иных пространственных решениях и прак-

¹⁵ При помощи этого цвета министерство обозначало свой интерес к прочитанному.

¹⁶ О ряде пробелов в библиографии см. [2, р. 142; 27, р. 757].

тиках, многие из которых в дальнейшем сложили немецкую модель исследовательского университета. При анализе письменных и визуальных текстов его главным образом интересует, *как и когда учёный становится частью тех или иных академических ритуалов* в самой широкой из возможных постановок данного вопроса – от торжественных университетских шествий и до присуждения учёных степеней. Читатель вместе с Кларком совершает путешествие по хорошо узнаваемым пространствам немецких университетов с их не менее хорошо узнаваемыми практиками: до конца XVIII в. на материале, подкреплённом источниками, и рассматривая XIX в. в русле более широких обобщений.

Присуждение учёной степени – важнейший ракурс пространства и практики, где находило и продолжает находить отражение новое «я» учёного¹⁷. Исследователь исходит из представления, что изначально присуждение учёных степеней рассматривалось как акт групповой харизмы, близкий к инвеституре и рукоположению. Постепенно претендующий на учёную степень становился тем, кто прошёл необходимые бюрократические процедуры (подтвердил свою добропорядочность) и был принят как автор академического мира (подтвердил свою публичность). По мнению У. Кларка, на пути от «героического театра» к «прозаической публикации» возникло много того, что мы считаем обязательными атрибутами исследовательской деятельности. Оформление титульных страниц диссертации как сейчас, так и несколько столетий назад отражало роли и места, которые занимают участники церемонии защиты. Исходящие от министерств побуждения профессоров публиковаться

посредством диспутов переросли в приказы. Одним из самых значимых, с точки зрения Кларка, является прусский указ от 24 декабря 1749 г., предписывающий публикации в качестве условия для всех профессорских назначений и повышений. Этот приказ стал нормативным закреплением принципа академического мира «публиковаться или исчезнуть». Наиболее интересным художественным закреплением существования этого принципа является сатира Лессинга 1747 г. «Молодой учёный», обличающая много пишущих. Небезынтересным является анализ тем диссертационных исследований 1670–1730 гг., часть из которых приведена У. Кларком в приложении. В том числе хочется отметить отчасти анекдотичную диссертацию на тему «О злых жёнах учёных», опубликованную Готтлобом Маттеусом в Лейпцигском университете в 1705 г. Приведённые Кларком темы, кроме прочего, объясняют особенности процесса становления академического работника нового типа.

Практики чтения лекций, проведения экзаменов и защиты диссертации (важнейшая статья У. Кларка [10] легла в основу IV главы книги об академической харизме) рассматриваются с точки зрения их материальных основ, поскольку академическая харизма передаётся даже через стул и стол, на котором и за которым сидят. Ожидая устный экзамен и играя в кнопки или готовясь к письменному экзамену и решая «оконные задачи», студенты были частью пространств и практик, многие из которых не так далеки от современных, как это может показаться [9, с. 162–163, 164, 166]. Экзамены превратились в Чистилище в раннее Новое время, и их дальнейшая бюрократизация была связана с конфессиональным наследием, в том числе с академической бюрократией иезуитов.

Отдельная часть книги посвящена научно-исследовательскому семинару, который стал основой немецких университетов между 1738 и 1838 гг. Основой этого направления опять же становятся и диссертация [3] и некоторые статьи У. Кларка, особенно [11].

¹⁷ Проблему эволюции статуса учёного и процедуры его легитимации У. Кларк исследует ещё во время работы над диссертацией [3], вслед за ней обращаясь к более развёрнутым на источниковом материале проблематике статуса и положения доктора философии [15; 12]. Две последние статьи легли в основу монографии У. Кларка.

Семинар интересен У. Кларку как государственный институт, бюджетное учреждение, педагогический институт, воспитательный центр, центр обучения и романтизма, а также с точки зрения усиления устной культуры и апофеоза письменной работы. Филологические чаяния гуманистов XV–XVI вв. эволюционировали в составную часть образования в протестантских и иезуитских педагогических семинариях раннего Нового времени и близких им публичных филологических сообществ, с последней трети XVIII в. стремившихся внедриться в университетские структуры уже как государственный проект. Немецкий исследовательский семинар, по мнению У. Кларка, был особой институционализированной технологией, в которой как нельзя лучше отразились особенности немецкой канцелярской отчётности и бюрократической дисциплины, и в то же время он был основан на системе кругового диспута, не только устного, но и письменного. Филологические штудии во многих культурах показали себя продуктивной кузницей усидчивых, аккуратных и дисциплинированных кадров. Европейские педагогические семинары парадоксальным образом породили феномен романтиков, харизматической академической личности [9, с. 222–252].

История учёных и городов-университетов

В самом начале своей центральной монографии «Академическая харизма и истоки исследовательского университета» У. Кларк говорит о том, что в центре его внимания будет находиться «эволюция учёного»¹⁸ – *homo academicus*, – начиная со «средневековых форм до современных интеракций» [9, с. 19]. Обращение к учёному в книге осуществляется и как к некой усреднённой фигуре, так и к фигурам вполне конкретным. Такой подход был уже реализован им в некоторых предшествующих статьях [4; 7; 15;

17]. Предлагая посмотреть на университет как на пространство появления харизматических лидеров, он указывает на источники, проливающие свет на то, как будоражили академическое сообщество Абельяр и Лютер, как читали лекции Ньютон и Кант, как относились к учёным степеням Фихте и Шлейермахер, как создавали новые дисциплины Гейне и Вольф, как боролись за студенческое внимание Гегель и Шопенгауэр, как добивались понимания своих научных изысканий Ричль и Ницше, а также с какими предложениями по обустройству библиотеки выходил Лейбниц и как размышлял о передаче своей должности зятю или сыну Линней. На страницах книги присутствуют будни преподавателей и студентов из множества университетов: Базельского, Берлинского, Болонского, Виттенбергского, университета Галле, Гёттингенского, Ингольштадтского, Йенского, Кембриджа, Кёнигсбергского, Марбургского, Оксфорда, Парижского, Тюбингенского, Хельмштедского и других.

Ещё одним из ключевых вопросов является вопрос о том, *как и когда учёный стал коммерческим субъектом* – тем, у кого окна кабинета выходят на рынок (во всём многообразии значений этого слова). По мнению Кларка, учёного можно метафорично охарактеризовать как единство причудливых качеств, противоречий и харизматических проявлений. К нему трудно подойти с какой-то стандартной меркой, но вместе с тем число подходов с такими мерками только растёт. Для чиновников рационализация академического труда прочно связана с механизмами его калькуляции, то есть с многочисленными коэффициентами, оценками и подсчётами статей, учеников и т.д. Канцелярская работа (в терминологии Кларка – «министерская магия») была направлена на всё новые и новые предписания для представителей академического мира. И эти меры, безусловно, были оправданными, т.к. способствовали разрушению традиционных семейных корпораций и академических кланов (примером чего служит Базель XVII в.,

¹⁸ Как считает автор одной из рецензий, это книга о взрослении профессора в религиозном государстве: он достигает совершеннолетия тогда, когда зарождается государство светское [32, p. 466].

в котором господствовали пятнадцать семей), то есть кровосмесительных связей между университетом и городом [9, с. 71].

История исследовательских университетов, таким образом, предстаёт как история корпораций – «городов», которые способствовали или препятствовали изменениям академического рынка с его особыми товарами. Одним из таких товаров был лекционный список, который одновременно был частью министерской отчётности, результатом научных изысканий учёного и рекламой университета. Многочисленные источники, которые приводит автор, отражают успехи/неудачи культивирования риторики рынка в научном сообществе того или иного города с университетом или способы академического принятия/сопротивления этой риторике.

Академическая харизма в исследовательском университете присуща именно учёному, то есть она индивидуальна, а не коллективна, корпоративна или коллегияльна. Традиционная же харизма, напротив, выходит за пределы личности отдельного учёного, в некотором смысле растворяясь в академических званиях, должностях, привилегиях и даже университетских одеяниях. Сравним торжественные университетские шествия в Кембридже и Базеле и указывая на то, что академическому сообществу Германии такие «показы мод» были чуждыми, Кларк выходит на особенности современной профессуры. По его мнению, в современном академическом мире для учёного намного важнее персональное предложение по зарплате, чем место в торжественной университетской церемонии; именно зарплата стала двигателем профессорской мобильности, которая оказывается важнее длительности пребывания в профессорской должности в одном и том же университете. Прошлое и настоящее, по мнению Кларка, сближает то, что харизматическая фигура учёного оценивалась и продолжает оцениваться как «подходящая» или «не подходящая», когда дело касается академических назначений или переходов. «Харизматические назначенцы»

[9, с. 337], о которых пишет Кларк, продолжают появляться и сейчас, когда процедуры академических назначений уже нормативно не связаны с министерствами. Иными словами, современная административная магия всё так же кроется в отчётных бумагах и распределении финансирования, как это было столетия назад.

Масштабность стиля и ирония метода

Традиционные исследования по интеллектуальной истории и истории образования эпохи Просвещения были сконцентрированы на аспектах борьбы направлений, школ и исследователей и описывали становление науки эпохи Просвещения в героических терминах. Диссертация и ряд ранних работ У. Кларка также нерадикально отошли от этой методологической призмы, особенно статьи [4; 10]). Однако монография У. Кларка, как подчёркивает Ш. Ротблат, одна из первых позволяет осмыслить историю образования со структуралистских позиций и преодолеть дискурсы специализации и научного поиска как отправных точек для описания изменений XIX века [29, р. 469]. Она хотя и грешит исторической неаккуратностью, раскрывает историю науки эпохи расцвета совершенно в ином ключе, характерном для структуралистского историописания¹⁹. Исследования академической харизмы и истоков прусского университета стойко ассоциируются у читателей с путешествием: С.П. Реми говорит о нескольких поездках, которые совершает читатель [34, р. 125], а Э. Розенхафт отмечает, что путь не самый короткий, и есть некоторые участки дороги с плохой проходимостью [35, р. 238]. Действительно, от этой метафоры сложно отказаться, причём представляется оправданным говорить не столько о путешествии в пространстве, сколько о путешествии во времени. Читатели – зачастую представители

¹⁹ В том числе нужно отметить на него влияние труда П. Бурдьё, также переведённого на русский язык [33].

академического мира – переносятся в тех же координатах в более ранние пространства²⁰. При этом многочисленные источники, яркий стиль повествования, юмор и ирония способствуют живости восприятия и эффекту погружения в университетские реалии прошлых столетий.

Для У. Кларка исследовательская задача всегда идёт рука об руку с исследовательской иронией (через призму которой он и смотрит на академический мир), приводится ли байка о смертельно заболевшем после экзамена студенте, рассказ о тяготах отравившихся за профессорским столом студентов или проникновенное резюме кандидата на должность библиотекаря. Сам автор предусмотрительно пишет, что такой подход не может нравиться всем и каждому: научный мир достаточно закрыт, и традиционно считается, что ирония в нём «должна быть эпизодической либо неявной» [9, с. 304]. Во всех иных случаях ирония становится проблемой, которая должна быть исключена отовсюду и особенно из научных текстов²¹. У. Кларк же утверждает широкие возможности для иронии как инструмента познания академического мира. То, что читатели монографии отмечают именно эффект «погружения» в реалии академической жизни, а не масштабность задумки У. Кларка, связано, как представляется, с ещё одной важной чертой монографии – ярким, свободным, не лишённым юмора и иронии авторским стилем, благодаря которому анекдотическая часть (в традиционном смысле этого слова)

оказывается существенно привлекательной и в литературном плане. Надо заметить, что насыщенная и яркая манера автора весьма успешно передана и в русском переводе: текст, безусловно, обладает собственной харизмой как в постановке вопросов, так и в поиске ответов на них. Нам кажется, У. Кларк абсолютно намеренно работает в тексте скорее как лектор или яркий рассказчик, стремясь противопоставить академическому (то есть бюрократизированному и обезличенному) нарративу авторскую (профессорскую) харизму. Насколько мы можем судить, исследователя всегда отличала определённая независимость и непосредственность авторской манеры повествования: исследовательская задача у него всегда идёт рука об руку с исследовательской иронией (через призму которой он и смотрит на академический мир [9, с. 42]). Конечно, категория «иронии» совершенно отсутствует в его диссертации 1986 г., однако одна из знаковых и довольно ранних статей выносит это понятие в заголовок: речь идёт об *ироническом образчике* доктора философии (*ironic specimen of the Doctor of Philosophy*) [12]. Очевидно, сама ситуация, в которой оказывается исследователь нового университета и которая была тесно связана с реалиями американской академической жизни конца XX – начала XXI вв., подталкивает У. Кларка к этому, казалось бы, бытовому понятию.

Ирония У. Кларка в большей степени направлена на настоящее академического мира и помогает исследователю дистанцироваться от выводов, которые ему не нравятся: действительно, при изучении мира, к которому принадлежишь, ирония оказывается в определённой степени залогом меньшей ангажированности [29, р. 466, 469]. В то же время эти наблюдения не кажутся исчерпывающими. Напомним, что У. Кларк в своей монографии преследовал цель преодолеть «великий нарратив былых времён» [9, с. 27]. Но при этом он – продолжатель М. Вебера и М. Фуко, ищущий концептуальное/жанровое выражение для решения поставленной задачи и анализиру-

²⁰ Повторимся, что этот приём был отработан У. Кларком в его статьях и связан, по большому счёту, с необходимостью каждый раз «вписать» конкретный источник в общую картину истории науки.

²¹ Наиболее критичен по отношению к манере У. Кларка Н. Хаммерштайн. Ирония Кларка названа им недостатком обязательности, а не стальгия – неточностью, а вся книга в целом – захватывающей и убедительной похвалой европейских университетов в англосаксонском стиле [27, р. 426–428].

ющий на обширном источниковом материале классическую исследовательскую тему (развитие образования в эпоху Просвещения)²². Нам представляется, что «великому нарративу» У. Кларк как раз и противопоставляет сложный, авторский, местами анекдотический (в первоначальном смысле этого слова) текст, который сам во вступлении называет «странной книгой» («odd book») [8, р. 3]²³. Это объясняет и противоречия концепции, и жанровое своеобразие монографии, и даже извиняет не всегда совершенный научный аппарат. Ирония снижает патетику и глобальность, присущую текстам «былых времён», в монографии она выходит на первый план как общая концептуальная призма, помогающая также связать воедино разрозненные сюжеты, и, безусловно, как средство против слишком патетического тона, который бы неизменно конструировался, учитывая глобальность нарратива У. Кларка. С. Бергер отмечает, что остроумные замечания Кларка, пишущего остро и свободно, и, действительно, комедийные и жизненные свидетельства источников, которые он описывает («чистилище» экзаменов, взяточничество, попытки профессуры «отписаться» от министерской бюрократии и т.п.), создают впечатление, что и средневековый, и современный университет, совмещающий различные типы харизмы, всегда населяли очень странные личности [26, S. 511].

Очевидно, что это остроумное замечание всё же несколько поверхностно. У. Кларк называет свою книгу «странной» не только поэтому: она странна, поскольку антинарративна и принципиально противопоставлена нейтральному тексту, в котором угадывается близость канцелярскому стилю. Пространственный комментарий к избранным источникам, несколько схематично структурированный и в то же время отрицающий точную хроно-

логию и даже ссылки (несколько раз в тексте У. Кларк с искренней самоиронией признаётся, что забыл, откуда берёт сведения). Он всё время работает с материалом разных столетий, сравнивает близкие и далёкие друг от друга примеры, используя даты скорее как символические межи (так, он называет рубеж в 1763 г.), чтобы свободно переходить от прошлого к современности. Наконец, период расцвета исследовательского университета он также описывает точно, на примере нескольких сюжетов, показательно отстраняясь от личности Гумбольдта и подробно описывая Ницше. Даже собственную концепцию бюрократизации университета У. Кларк разбивает: описав в первой части книги исчезновение средневековой харизмы, он собирает исключения и оговорки в отдельную, малую часть своей работы (главы 9–11), демонстрируя, что харизма не окончательно потеряла голос [9, с. 33]. Более того, ирония оказывается ещё удобной декорацией, в которой У. Кларк, с одной стороны, достаточно свободно критикует сложившуюся систему государственного заказа²⁴, но, с другой – не позволяет себе открытой критики. Некоторые замечания У. Кларка о политизации образования XIX в. позволяют внимательному читателю провести проекции, но они недостаточно явны для читателя скорее невнимательного, такого как «министерский маг»²⁵.

Выводы

Эволюцию методологического инструментария У. Кларка, таким образом, можно

²² То, что У. Кларк не хотел писать в традиционном ключе о такой несколько даже патетической теме, отмечает его близкие коллеги.

²³ В рассматриваемом переводе формулировка У. Кларка несколько смягчена. Он пишет: «Сюжет этой книги может показаться странным».

²⁴ Тема очень болезненная и аккуратно обсуждаемая в публичном пространстве США. Кажется не случайным, что одна из рецензентов, С. Маршан, половину своего текста посвящает защите государства-университета [23, р. 392].

²⁵ Заметим, что Р. Кремер полагает, что как раз исследование современной практики коммерциализации и бюрократизации науки могло и составить огромную ценность книги, которая остаётся лишь неким личным – самоироничным – контекстом, «академической исповедью» [35, р. 809; 810].

назвать эволюцией персонализации «великого нарратива» университетской истории. В его работах можно увидеть косвенное влияние именно американской интеллектуальной истории, обратившей внимание на текст как таковой и город-университет/государство-университет как своеобразный дискурсивный срез. У. Кларк намеренно пишет нестандартно и провокационно, чтобы разрушить определённые шаблоны восприятия и оголить важную ему тему – исследовательской харизмы, связанной с категориями магии и индивидуального обаяния, которые трудно описать, но относительно легко продемонстрировать. Каждому новому поколению академических работников приходится обретать или терять себя в пространствах, где граница между домом и работой не всегда уловима. У немецкого профессора XVI в., делившего стол со своими квартирантами и пансионерами, и современного профессора, работающего дома из-за ограничений по COVID-19, были разные представления о личном пространстве и эргономике рабочего места. Времена, когда исследователь пробирался из дома в кабинет, и времена, когда кабинет перебирался в дом к исследователю, продолжают менять друг друга до настоящего момента. Меняются и представления о харизме исследователя, и способы её проявления, и репрезентации: учёные степени и научные труды, рекомендательные письма и характеристики, анкеты и досье, протоколы и ведомости, журналы и таблицы академических сотрудников.

Методологический инструментарий У. Кларка, при всех спорных моментах, представляет огромную интеллектуальную ценность в силу предмета и метода исследования: эволюция академической харизмы описана и типологизирована с остроумной самоиронией большого учёного. У. Кларк успешно разрушил великий нарратив, превратив его в великий антинарратив об университете как городе/государстве. Его «странная книга» и статьи, безусловно, достойны внимания, поскольку каждый чита-

тель найдёт в них ту тему или тот пример, которые заинтересуют лично его: будто из клубка пёстрых ниток, вытащит понравившуюся ему (ср. с оценкой С. Маршан [23, р. 390]). Причём это может быть как микро-исторический уровень анекдота, наверное, самый притягательный и остроумный в тексте У. Кларка, так и сюжеты, выходящие на уровень широких культурологических обобщений (как проблемы письменной и устной культуры, развития печати, бюрократизации общества и пр.). Работы У. Кларка заставляют задуматься не только о прошлом университета, но и о его настоящем – не в плане рефлексии тех или иных бюрократических реалий, а в плане некой общечеловеческой данности.

Литература

1. *Cooper A., Feuerhahn W.* Bill Clark or the ironic analyst of homo academicus. In *memoriam William Clark (1953–2017)* // САКtus. Le Carnet du Centre Alexandre-Koyre. 2020. 19.02. URL: <https://cactus.hypotheses.org/1715> (дата обращения: 08.04.2022).
2. *Albisetti J.C.* Academic Charisma and the Origins of the Research University by William Clark. *History of Education Quarterly*. 2008. Vol. 48. No. 1. P. 139–142. DOI: 10.1111/j.1748-5959.2008.00130.x
3. *Clark W.* From the medieval *Universitas Scholarium* to the German research university: A sociogenesis of the German academic: Diss. Los Angeles: University of California, 1986. 640 p.
4. *Clark W.* The death of metaphysics in enlightened Prussia // *The sciences in enlightened Europe* / W. Clark, J. Golinski, S. Schaffer (Eds). Chicago; London : University of Chicago Press, 1999. P. 423–476. ISBN: 9780226109404
5. *Clark W.* On the Ministerial Registers of Academic Visitations // Becker P., Clark W., Arbor A. (Eds). *Little Tools of Knowledge: Historical Essays on Academic and Bureaucratic Practices*. MI: University of Michigan Press, 2001. P. 95–140.
6. *Clark W.* From Enlightenment to Romanticism: Lichtenberg & Göttingen Physics // Rupke N. (Ed). *Göttingen and the Development of the Natural Sciences*. Göttingen: Wallstein, 2002. P. 72–85.

7. *Clark W.* German Physics Textbooks in the Goezeit // *History of Science*. 1997. Vol. 35. Issue 2. P. 219–239; Vol. 35. Issue 3. P. 295–363. DOI: <https://doi.org/10.1177/007327539703500204>; <https://doi.org/10.1177/007327539703500302>
8. *Clark W.* Academic Charisma and the Origins of the Research University, Chicago: The University of Chicago, 2006. 662 p. ISBN: 978-0226109220
9. *Кларк У.* Академическая харизма и истоки исследовательского университета / Пер. с англ. М. Рудакова. М.: Изд-во ВШЭ, 2017. 734 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1219-7
10. *Clark W.* On the bureaucratic plots of the research library // *Frasca-Spada M., Jardine N.* (Eds). *Books and the Sciences in History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 190–206.
11. *Clark W.* On the Dialectical Origins of the Research Seminar // *History of Science*. 1989. Vol. 27. P. 111–154. DOI: 10.1177/007327538902700201
12. *Clark W.* On the Ironic Specimen of the Doctor of Philosophy // *Science in Context*. 1992. Vol. 5. P. 97–137. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0269889700001101>
13. *Clark W.* On the ministerial archive of academic acts // *Science in Context*. 1996, Dec. P. 421–486.
14. *Clark W.* On the Table Manners of Academic Examination // *Bödeker H.-E., Reill P., Schlumbohm J.* (Eds.). *Wissenschaft als kulturelle Praxis: 1750–1900*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. P. 33–67. URL: <http://hdl.handle.net/11858/00-001M-0000-002A-9E17-0> (дата обращения: 08.04.2022).
15. *Clark W.* On the Professorial Voice // *Science in Context*. 2003, March. P. 43–57. DOI: 10.1017/S0269889703000693
16. *Clark W.* The Pursuit of the Prosopography of Science // *Porter, R.* (Ed). *The Cambridge History of Science*. 2003. Vol. 4: Eighteenth-Century Science. Cambridge: Cambridge University Press. P. 211–237. ISBN: 0 521 57243 6
17. *Clark W.* The Scientific Revolution in the German Nations // *Porter R., Teich M.* (Eds). *The Scientific Revolution in National Context*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 90–114. ISBN: 978-052139510
18. *Clark W., Debli M.* (Trans.) Die Politik der Ontologie // *Hagner M., Laublichler M.* (Eds). *Der Hochsitz des Wissens: das Allgemeine als wissenschaftlicher Wert*. Zürich: Diaphanes, 2006. P. 97–127. ISBN: 978-3935300797
19. *Clark W., Berra A.* (Trans.) Les trois épreuves de la quête du diplôme en Europe // *Jacob Ch.* (Ed). *Lieux de savoir. Espaces et communautés*. Paris: Albin Michel, 2007. P. 77–98. URL: http://perso.ens-lyon.fr/pablo.jensen/lieux_savoir.pdf (дата обращения: 08.04.2022).
20. *Clark W., Adrian M.* (Trans.) Einsteins Haar // *Hagner M.* (Ed). *Einstein on the Beach. Der Physiker als Phänomen*. Frankfurt a.M.: Fischer Taschenbuch, 2005. P. 15–39. ISBN: 978-3596165155
21. *Графтон Э.* История академической харизмы. Гуманитарный аспект (рецензия на книгу: Уильям Кларк. Академическая харизма и возникновение исследовательского университета. Yale University Press, 2006) // *Вопросы образования*. 2006. № 4. С. 399–409. URL: <https://vo.hse.ru/data/2010/12/31/1208183378/36gref.pdf> (дата обращения: 08.04.2022).
22. *Kirwan R.* Scholarly Self-Fashioning and Community in the Early Modern University. Berlin: Routledge, 2013. 220 p. ISBN: 9781409437970
23. *Marchand S.* Academic Charisma and the Origins of the Research University by William Clark // *The Journal of Modern History*. 2008. Vol. 80. No. 2. P. 390–392. DOI: <https://doi.org/10.1086/591556>
24. *Тейлор Ч.* Секулярный век. М.: ББИ, 2017. 967 с. ISBN: 978-5-89647-307-7
25. *Прокопьев А.Ю.* Введение. Реформация, Контрреформация, конфессионализация // *Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время: Доклады русско-немецкой научной конференции 14–16 ноября 2000 г.* / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Алетейя, 2004. С. 5–32. ISBN: 5-89329-675-3
26. *Berger S.* Universitätsgeschichte: William Clark: Academic Charisma and the Origins of the Research University // *Neue Politische Literatur*, Chicago: University of Chicago Press, 2006. S. 509–511.
27. *Hammerstein N.* Academic Charisma and the Origins of the Research University by William Clark // *Historische Zeitschrift*. 2006. Bd. 283. H. 2. S. 426–428. URL: <http://www.jstor.org/stable/27637212> (дата обращения: 08.04.2022).
28. *Anderson R.D.* Academic Charisma and the Origins of the Research University by William Clark // *The English Historical Review*. 2007. Vol. 122. No. 497. P. 756–757. URL: <https://www.jstor.org/stable/4493914> (дата обращения: 08.04.2022).

29. *Rotblatt S.* The Professor Comes of Age: Academic Charisma and the Origins of the Research University by William Clark // *American Scientist*. 2006. Vol. 94. No. 5. P. 466–469. URL: <https://www.jstor.org/stable/27858844> (дата обращения: 08.04.2022).
30. *Huber M.T.* Books worth reading: Academic Charisma and the Origins of the Research University. William Clark. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2006. 576 p. // *The Magazine of Higher Learning*. 2007. Vol. 39. No. 5. P. 54–57. DOI: <https://doi.org/10.1080/00091383.2017.1366812>
31. *Bender T.* Academic Charisma and the Origins of the Research University by William Clark // *The Journal of Interdisciplinary History*. 2007. Vol. 37. No. 4. P. 603–605. URL: <https://www.jstor.org/stable/4139491> (дата обращения: 08.04.2022).
32. *Rosenhaft E.* Dynamic Equilibria: Academic Charisma and the Origins of the Research University by William Clark // *History Workshop Journal*. 2008. No. 65. P. 234–239. URL: <https://www.jstor.org/stable/25472986> (дата обращения: 08.04.2022).
33. *Бурдые П.* Homo academicus. М.: ИЭП, 2018. 464 с. ISBN: 978-5-93255-513-2
34. *Рету S.P.* Academic Charisma and the Origins of the Research University by William Clark // *Central European History*. 2008. Vol. 41. No. 1. P. 125–127. DOI: 10.1017/S0008938908000071
35. *Кремер R.L.* Tables, Manners, Erudition, and the Origins of the Research University by William Clark // *Isis*. 2008. Vol. 99. No. 4. P. 808–810. DOI: <https://doi.org/10.1086/595776>
- Финансирование.** Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 18-78-10001 (<https://rscf.ru/project/18-78-10001>).
- Статья поступила в редакцию 14.02.22
Принята к публикации 08.04.22

References

- Cooper, A., Feuerhahn, W. (2020). Bill Clark or the Ironic Analyst of Homo Academicus. In *Memoriam William Clark (1953–2017)*. *CAKtus. Le Carnet du Centre Alexandre-Koyre*. Feb. 02. Available at: <https://cactus.hypotheses.org/1715> (accessed 08.04.2022).
- Albisetti, J.C. (2008). Academic Charisma and the Origins of the Research University by William Clark. *History of Education Quarterly*. Vol. 48, no. 1, pp. 139–142, doi: 10.1111/j.1748-5959.2008.00130.x
- Clark, W. (1986). *From the Medieval Universitas Scholarium to the German Research University: A Sociogenesis of the German Academic*. Diss. Los Angeles: University of California, 640 p.
- Clark, W. (1999). The Death of Metaphysics in Enlightened Prussia. In: Clark, W., Golinski, J., Schaffer, S. (Eds), *The Sciences in Enlightened Europe*. Chicago; London: University of Chicago Press, pp. 423–476. ISBN: 9780226109404
- Clark, W. (2001). On the Ministerial Registers of Academic Visitations. In: Becker, P., Clark, W., Arbor, A. (Eds). *Little Tools of Knowledge: Historical Essays on Academic and Bureaucratic Practices*. MI: University of Michigan Press, pp. 95–140.
- Clark, W. (2002). From Enlightenment to Romanticism: Lichtenberg & Göttingen Physics. In: Rupke, N. (Ed). *Göttingen and the Development of the Natural Sciences*. Göttingen: Wallstein, pp. 72–85.
- Clark, W. (1997). German Physics Textbooks in the Goethezeit. *History of Science*. Vol. 35, no. 2, pp. 219–239; Vol. 35, no. 3, pp. 295–363, doi: <https://doi.org/10.1177/007327539703500204>; <https://doi.org/10.1177/007327539703500302>
- Clark, W. (2006). *Academic Charisma and the Origins of the Research University*. Chicago: The University of Chicago, 662 p. ISBN: 978-0226109220
- Klark, U. (2017). *Akademicheskaya kharizma i istoki issledovatel'skogo universiteta* [Academic Charisma and the Origins of the Research University]. Transl. by M. Rudakov. Moscow: HSE Publ., 734 p., doi: 10.17323/978-5-7598-1219-7 (In Russ.).

10. Clark, W. (2000). On the Bureaucratic Plots of the Research Library. In: Frasca-Spada, M., Jardine, N. (Eds). *Books and the Sciences in History*. Cambridge : Cambridge University Press, pp. 190-206.
11. Clark, W. (1989). On the Dialectical Origins of the Research Seminar. *History of Science*. Vol. 27, pp. 111-154, doi: 10.1177/007327538902700201
12. Clark, W. (1992). On the Ironic Specimen of the Doctor of Philosophy. *Science in Context*. Vol. 5, pp. 97-137, doi: <https://doi.org/10.1017/S0269889700001101>
13. Clark, W. (1996). On the Ministerial Archive of Academic Acts. *Science in Context*. Dec., pp. 421-486.
14. Clark, W. (1999). On the Table Manners of Academic Examination. In: Bödeker H.-E., Reill P., Schlumbohm J. (Eds.). *Wissenschaft als kulturelle Praxis: 1750-1900*. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, pp. 33-67. Available at: <http://hdl.handle.net/11858/00-001M-0000-002A-9E17-0> (accessed 08.04.2022).
15. Clark, W. (2003). On the Professorial Voice. *Science in Context*. March, pp. 43-57, doi: 10.1017/S0269889703000693
16. Clark, W. (2003). The Pursuit of the Prosopography of Science. In: Porter, R. (Ed). *The Cambridge History of Science. Vol. 4. Eighteenth-Century Science*. Cambridge : Cambridge University Press, pp. 211-237. ISBN: 0 521 57243 6
17. Clark, W. (1992). The Scientific Revolution in the German Nations. In: Porter, R., Teich, M. (Eds). *The Scientific Revolution in National Context*. Cambridge : Cambridge University Press, pp. 90-114. ISBN: 978-052139510
18. Clark, W., Dehli, M. (Trans.) (2007). Die Politik der Ontologie. In: Hagner, M., Laublichler, M. (Eds). *Der Hochsitz des Wissens: das Allgemeine als wissenschaftlicher Wert*. Zürich : Diaphanes, pp. 97-127. ISBN: 978-3935300797
19. Clark, W., Berra, A. (trans.) (2007). Les trois épreuves de la quête du diplôme en Europe. In: Jacob, Ch. (Ed). *Lieux de savoir. Espaces et communautés*. Paris : Albin Michel, pp. 77-98. Available at: http://perso.ens-lyon.fr/pablo.jensen/lieux_savoir.pdf (accessed 08.04.2022).
20. Clark, W., Adrian, M. (Trans.) (2005). Einsteins Haar. In: Hagner, M. (Ed). *Einstein on the Beach. Der Physiker als Phänomen*. Frankfurt a.M. : Fischer Taschenbuch, pp. 15-39. ISBN: 978-3596165155
21. Grafton, A. (2006). The Nutty Professors: The History of Academic Charisma. Book Review: William Clark. *Academic Charisma and the Origins of the Research University* (Transl. from Commentary by Fridman, I.) *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. No. 4, pp. 399-409. Available at: <https://vo.hse.ru/data/2010/12/31/1208183378/36gref.pdf> (accessed 08.04.2022). (In Russ.).
22. Kirwan, R. (2013). *Scholarly Self-Fashioning and Community in the Early Modern University*. Berlin : Routledge, 220 p. ISBN: 9781409437970
23. Marchand, S. (2008). Academic Charisma and the Origins of the Research University by William Clark. *The Journal of Modern History*. Vol. 80, no. 2, pp. 390-392, doi: <https://doi.org/10.1086/591556>
24. Taylor, Ch. (2007). *A Secular Age. Cambridge*. Massachusetts, and London : The Belknap Press of Harvard University Press. (Russian translation: Moscow : BBI, 2017, 967 p. ISBN: 978-5-89647-307-7).
25. Prokopiev, A.Yu. (2004). [Introduction. Reformation, Counter-reformation, and Confessionalization]. In: Prokopiev, A.Yu. (Ed). *Konfessionalizatsiya v Zapadnoj i Vostochnoi Evrope v rannee Novoe vremya: doklady russko-nemetskoj nauchnoi konferentsii 14-16 noyabrya 2000 g.* [Confessionalization in Western and Eastern Europe in the Early New Age: Sci. Conf. 14-16 Nov. 2000: Collection of Papers]. St. Petersburg: Aleteiya, 2004, pp. 5-32. ISBN: 5-89329-675-3 (In Russ.).
26. Berger, S. (2006). *Universitätsgeschichte: William Clark: Academic Charisma and the Origins of*

- the Research University. In: *Neue Politische Literatur*. Chicago : University of Chicago Press, pp. 509-511.
27. Hammerstein, N. (2006). Academic Charisma and the Origins of the Research University by William Clark. *Historische Zeitschrift*. Bd. 283, h. 2, S. 426-428. Available at: <http://www.jstor.org/stable/27637212> (accessed 08.04.2022).
  28. Anderson, R.D. (2007). Academic Charisma and the Origins of the Research University by William Clark. *The English Historical Review*. Vol. 122, no. 497, pp. 756-757. Available at: <https://www.jstor.org/stable/4493914> (accessed 08.04.2022).
  29. Rothblatt, S. (2006). The Professor Comes of Age: Academic Charisma and the Origins of the Research University by William Clark. *American Scientist*. Vol. 94, no. 5, pp. 466-469. Available at: <https://www.jstor.org/stable/27858844> (accessed 08.04.2022).
  30. Huber, M.T. (2007). Books Worth Reading: Academic Charisma and the Origins of the Research University. William Clark. Chicago, IL : University of Chicago Press, 576 p. *The Magazine of Higher Learning*. Vol. 39, no. 5, pp. 54-57, doi: <https://doi.org/10.1080/00091383.2017.1366812>
  31. Bender, T. (2007). Academic Charisma and the Origins of the Research University by William Clark. *The Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 37, no. 4, pp. 603-605. Available at: <https://www.jstor.org/stable/4139491> (accessed 08.04.2022).
  32. Rosenhaft, E. (2008). Dynamic Equilibria: Academic Charisma and the Origins of the Research University by William Clark. *History Workshop Journal*. No. 65, pp. 234-239. Available at: <https://www.jstor.org/stable/25472986> (accessed 08.04.2022).
  33. Bourdieu, P. (1990). *Homo Academicus*. Stanford University Press, 344. (Russian translation: Moscow : Gaidar's Institute, 2018, 464 p. ISBN: 978-5-93255-513-2)
  34. Remy, S.P. (2008). Academic Charisma and the Origins of the Research University by William Clark. *Central European History*. Vol. 41, no. 1, pp. 125-127, doi: [10.1017/S0008938908000071](https://doi.org/10.1017/S0008938908000071)
  35. Kremer, R.L. (2008). Tables, Manners, Erudition, and Confession. Academic Charisma and the Origins of the Research University by William Clark. *Isis*. Vol. 99, no. 4, pp. 808-810, doi: <https://doi.org/10.1086/595776>

Funding. The research is funded by the Russian Science Foundation (No. 18-78-10001, <https://rscf.ru/project/18-78-10001>).

*The paper was submitted 14.02.22
Accepted for publication 08.04.22*